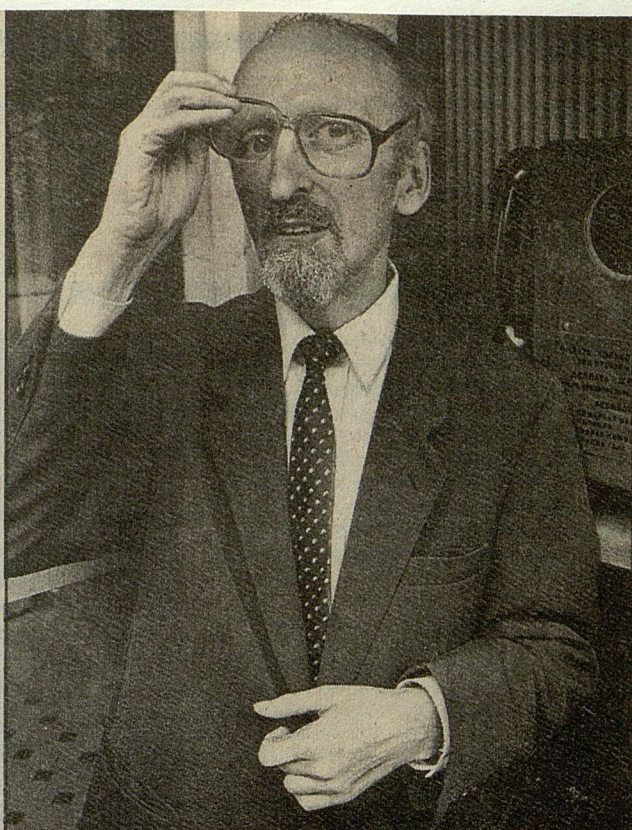

Старожилы "Литературной газеты" вспоминают: когда сходились два молодых и наиболее острых авторов "Клуба 12 стульев" Борис Брайнин и Вагрич Бахчанян и начинали дуэль на каламбурах, то посмотреть на этот импровизированный праздник остроумия собиралась вся редакция. Ныне писатель-юморист Борис Брайнин — человек заслуженный, классик жанра. Его блестящие пародии вошли в антологии. Его куплеты, написанные давным-давно, до сих пор кормят артистов эстрады. Шахматную партию, сыгранную с Борисом Брайниным, до сих пор вспоминает Гарри Каспаров... Итак, на сцену вызывается Борис Брайнин!

Борис БРАЙНИН: *Вег. клуб - 1996. - 6 авг. - с 7.*

Юмор — это сатира с выбитыми зубами

— Судя по тому напору, с которым вы ворвались в давние годы в отечественную юмористику, у вас, видимо, писательское или артистическое происхождение?

— Происхождение у меня, во-первых, антиартистическое, а во-вторых, по паспорту я дважды юрист Советского Союза. Отец имел два высших образования — вначале он окончил знаменитый ВХУТЕМАС, а потом полиграфический. Во всех справочниках о печатном деле есть статьи о переплетно-брошюровочном станке Брайнина. А мать была всю жизнь домохозяйкой и печатала на машинке. Так что никаких особых генов у меня нет. Но вот двор, где я родился и довольно долго жил, на Садово-Черногорской, где кинотеатр "Встреча", обладал мощными артистическими флюидами. У нас было гнездо, как теперь говорят, всевозможных группировок. Ежевечерне они устраивали гитарные концерты, на которых звучал очень специфический репертуар. А в детстве — это было в пятидесятые годы — я хорошо пел. И даже однажды солировал в детском хоре в Малом зале консерватории. И по вечерам один из самых "авторитетных" людей нашего двора Виталий Борисович заходил к моей маме — он был весьма импозантен и интеллигентен, чем очаровывал ее, — и обращался: "Ксения Аароновна, а нельзя ли попросить вашего сына немножко попеть". И я под три гитары с неподдельным чувством запевал: "По тундре, по широкой дорожке...", ну и так далее. В общем, в детстве я все эти песни знал не хуже Анатолия Макарова, знаменитый роман которого на эту тему был удачно экранизирован. И мы частенько с ним в ЦДЛ вспоминали эти песни.

— Да, очень хорошие стартовые возможности для человека, нацелившегося на звание "вор в законе". Ну а какие-нибудь относительно интеллигентные моменты в вашем детстве присутствовали?

— Конечно. Чисто вымытый я ходил в Дом пионеров, где довольно успешно занимался в шахматном кружке. И однажды поделил 1—3-е места на первенстве города, где были довольно сильные ребята. Это мне в дальнейшем пригодилось, когда я уже стал писателем, и будущий чемпион мира пришел к нам в ЦДЛ давать сеанс на девяти досках. А он дает такие сеансы национальным мастерам европейских стран. Я сидел единственную ничью с ним.

И протокол игры с его подписью хранится у меня дома как документ, свидетельствующий о моей интеллектуальной состоятельности.

— Да, ваш путь в литературу извилист и непонятен.

— Немало его запутали и мои родители. Не отличаясь особой оригинальностью для того времени, они решили: нехай у мальчика будет хоть какая-то специальность. И не смотря на то, что в школе у меня были хорошие и отличные оценки только по гуманитарным предметам, а математически я до сих пор полный идиот, отдали меня в электромеханический техникум. Но даже это никчемное для меня время скрашивалось тем, что я четыре года сидел за одной партой со знаменитым боксером Борисом Лагутиным, двукратным олимпийским чемпионом. Мы даже пошли с ним заниматься боксом в одно и то же время. Но после нескольких занятий я понял, что бокс — это гораздо больнее, чем шахматы. И наши спортивные пути разминулись, хотя мы до сих пор перезваниваемся, встречаемся. Это уникальная фигура в нашем спорте, ему была абсолютная чужда звездная болезнь. Его все очень долго звали Борюшка, даже после двух олимпийских триумфов. А сейчас он возглавляет фонд помощи спортсменам. После техникума до 70-го года я отбарабанил по своей технической специальности на заводе, потом в НИИ, был главным энергетиком фабрики "Красная швея". Одно время был главным энергетиком Калининского проспекта. Но это продолжалось лишь две недели.

— Что-нибудь подпалили вследствие технической безграмотности?

— Нет. Получилось так, что меня оттуда в 71-м году увел Вадим Дабужский. Он предложил мне посотрудничать с ним для эстрады. И за два часа мы написали номер, за который мне заплатили в полтора раза

больше моего месячного оклада. Я сказал жене, что уйду в никуда и мы будем жить на случайные заработки. Наступила золотая пора моего благоденствия, которая, к сожалению, была не бесконечной. Эстрада хорошо кормила. А к тому же благодаря тому, что не надо было думать, как прожить на те 110 энергетических рублей, у меня появилась неограниченная возможность писать... Кстати, способность к каламбуру во мне появилась в глубоком детстве как реакция на страх.

— Во дворе, при общении с группировками?

— Нет, гораздо раньше. Отец начал посылать меня в пионерлагерь с того возраста, когда мне нужно было бы ездить в детские сады. И хоть я попадал в самые младшие отряды, но все ребята были на 2—3 года постарше меня. И по ночам — любимое занятие всех детей — они рассказывали страшные сказки. А мне, как самому маленькому, было очень страшно, и я пытался в кульминационные моменты разрядить обстановку, сострить, чтобы все рассмеялось. И у меня это стало получаться. В дальнейшем, видимо, отсюда пошли корни моей способности к каламбуру в нужный момент. Длительное время она никак не проявлялась. Но потом началась Маяковская, где собирались поэты. Тогда я пришел и, не робея, влезал на пьедестал и читал пародии. А подтолкнул меня к тому нынешний министр культуры Евгений Сидоров. Он был заведомо литератором и искусства "Московского комсомольца", где я печатал стихи к различным датам. В конце концов он сказал: "Боря, а тебе не надоело писать эти сопли? Попробуй себя в чем-нибудь другим".

— Нет. Получилось так, что меня оттуда в 71-м году увел Вадим Дабужский. Он предложил мне посотрудничать с ним для эстрады. И за два часа мы написали номер, за который мне заплатили в полтора раза

больше моего месячного оклада. Я сказал жене, что уйду в никуда и мы будем жить на случайные заработки. Наступила золотая пора моего благоденствия, которая, к сожалению, была не бесконечной. Эстрада хорошо кормила. А к тому же благодаря тому, что не надо было думать, как прожить на те 110 энергетических рублей, у меня появилась неограниченная возможность писать... Кстати, способность к каламбуру во мне появилась в глубоком детстве как реакция на страх.

Клубные встречи

пародии нормально. Я понимаю сейчас всю слабость тех пародий, но мне тот период дал достаточно много, потому что там я познакомился лично с Владимиром Буковским, и с Юрием Галансковым, и с Леонидом Губановым... Тусовка была большая, пока оттепель не стала постепенно превращаться в заморозки. Нас стали гонять организованные при МК ВЛКСМ оперотряды, приводить в ближайшее отделение милиции. И мы стали тусоваться по всей Москве, по дворам.

— А первая публикация?

— Она обязана своим появлением Георгию Дмитриевичу Гулиа, сыну Дмитрия Гулиа — основателя абхазской письменности. Он в то время курировал в "Литгазете" юмор. Я по молодому нахальству зашел к члену редколлегии и сказал: "Георгий Дмитриевич, я хотел бы показать вам пародию". Он очень внимательно выслушал, что-то ему понравилось, и он, зайдя в отдел, где сидели люди, собственно и делающие юмористическую рубрику, сказал: "Познакомьтесь, мой друг

на эта жизнь на колесах?

— Тут, как говорят ученые люди, конгломерат всего. Неглохой заработок для дома, для семьи. Очень приятный междусобойчик в условиях свободы. И было очень интересно посмотреть страну.

— Были ли какие-то казусы?

— Однажды мы с эстрадным драматургом Альбертом Левиным поехали выступать по Западной Украине. И раз заехали в одно село, где был замечательный дворец культуры. Я шел первым, Левин вторым. Начиная читать пародии, и нигде никто не смеется, а я к этому отношусь очень болезненно. Но после каждой пародии, когда я раскланивался, раздавались бурные аплодисменты. Через некоторое время я понял, что происходит что-то нештатное моему уму, трансцендентное. Успокоился и довел выступление до конца. Уходя, получил громовые аплодисменты. Вышел Алик, и я с изумлением увидел, что он отработывает не свою программу, а показывает публике всякие пан-

вать — правящую власть? Ну так тот же Юганов тоже влияет на жизнь страны. Во-вторых, у нас сатиры особенно и не было. Первым, наверное, был Райкин. Но он занимался скорее аллегориями, нежели сатирой. Это был эзопов язык. Потом появился Жванецкий. Но это было уже в те времена, когда можно было в какой-то мере высказываться. К нему было очень интересное отношение среднего партийного звена. Они видели, что он их долбаит, но думали, что это ему разрешено сверху. Поэтому Михал Михалыч часто приглашался на закрытые вечера для номенклатуры. А Задорнов начал говорить открытым текстом, без всяких намеков, а прямо в лоб. Сейчас для политической сатиры меньше пространства. Функцию санитара леса — волка успешно решает журналистика. Правда, есть на телевидении хорошая передача "Куклы".

— В последнее десятилетие, кроме сатиры и юмора, появилась третья сила — ирония...

— У меня есть афоризм: "Юмор — это сатира с выбитыми зубами". А ироническая поэзия и проза — это чисто литературное явление, эти вещи нужно не слушать, а читать. Один только Иртеньев способен работать на эстраде. Его публика любит.

— Какая самая хорошая, скажем так, веселая книга появилась в последнее время?

— Всяк родитель любит свое дитя, поэтому не могу не назвать свою — "Прибамбасы в шампанском", вышедшую в издательстве "Васанта". А вообще-то Иосиф Захарович Раскин собрал настолько замечательную "Энциклопедию хулиганствующего ортодокса", что она вполне тянет на звание народной книги. В ней собраны в самом полном объеме анекдоты, частушки, случаи из жизни. Ее читают от "братишек" до членов правительства. Иосиф Захарович кому только не подписывал свою энциклопедию. Я лично видел, как приходили от Маресьева из Совета ветеранов. Явлинский говорил, что эта книга постоянно лежит у него на столе, и он ежедневно читает ее перед сном. Есть она и у Черномырдина.

— Хорошо ли она продается?

— Прекрасно. Причем я ее сам продавал в числе прочих книг в прошлом году, что несколько поправило мой бюджет. Я долго думал и в конце концов решил заняться этим неизведанным для себя делом, поскольку имею непосредственное отношение к изготовлению данного продукта. От чего бы его не продавать? К тому же у меня был большой опыт — половину отцовской библиотеки отнес в 14 лет в букинистический магазин, за что отец был мне сильно признателен. Я стоял на Никольской и орал на всю улицу: "Только для женщин! Палубная авиация! Последние модели Су-27!" Была среди моих книг довольно дорогая о Новодевичьем монастыре, тысяча, кажется, 40 стоила. Подошла женщина, видимо, не очень богатая, и очень долго ее рассматривала, а потом спрашивает: "А почему так дорого?" На что я, не моргнув глазом, ответил: "Потому что предьявитель этой книги имеет право на внеочередное захоронение". Женщина искренне расхохоталась и купила книгу. Так что моя профессия помогала и в торговле. Бывало, правда, что книги воровали. К сожалению, не мои.

Встречался Владимир ТУЧКОВ. Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

молодой сатирик Борис Брайнин. Очень рекомендую". Ну а рекомендация куратора — это приказ. Это было еще до знаменитого "Клуба 12 стульев".

— Почему, на ваш взгляд, феноменальная слава 16-й полосы подзадухла задолго до начала новых времен?

— Думаю, что наш юмор со всеми нашими прибамбасами был разгадан. Все его тайные пружины стали понятны читателю. И потихонечку популярность стала снижаться. К тому же стали появляться новые издания. И газета стала не из ряда вон выходящей.

— Были ли у вас какие-нибудь неприятности по поводу пародирования излишне обидчивых людей?

— Нет, меня не били. Правда, однажды произошла заочная история. "Литгазета" объявила анонимный конкурс на лучшую пародию. Оценки, не зная фамилий авторов, выставляли читатели. За пародию на Юрия Кузнецова я завоевал первое место. И вскоре после этого поэта Надежда Кондакова рассказала мне следующую историю. Она была в одной компании, где офицер хватался за пистолет и говорил, что если бы увидел автора пародии на своего любимого поэта, то тут же его пристрелил бы.

— Да, с вашей профессией надо сидеть дома, не отпирая дверь и не отвечая по телефону.

— Отнюдь. Компания авторов "Клуба 12 стульев" исколесила с гастролями практически всю территорию Советского Союза. Моя, к сожалению, последняя гастроль прошла в Ямало-Ненецком округе. Когда мы командой из шести человек отработали во всех точках, где были клубы, то нас пригласили в поселки, где не ступала нога артистов. И мы с Вадимом Дабужским поехали в поселки Пур-пэ и Таркэ-салэ. Было очень много экзотики. Минус 60 градусов и все такое прочее.

— Зачем вам была нуж-

томимические этюды без слов. А человек он артистичный, в юности занимался в самодеятельности. И показывает он, как человек ест персик, ловит комара, и все такое прочее. Зал просто лежал от хохота! Оказывается, глядя на мои потуги, он решил узнать причину столь странной реакции. И выяснилось, что в этом селе никто ни слова не понимает по-русски.

— Пишете ли вы пародии сейчас?

— Нет. Пародия практически умерла, для нее сейчас нет ниши, в которой бы она разместилась. Пришла совершенно новая волна поэтов-иронистов, постмодернистов и прочих, которые сами пишут на грани пародии. Их ведь не спародируешь. Правда, есть на Володу Вишневого: "Недвижимость свою ношу с собой". Он считает, что это клевета... Так что сейчас я пишу значительно меньше. Наверное, жду, когда в литературе произойдет какая-то стабилизация, чего пока еще не видно.

— Для кого вы с Дабужским писали эстрадные тексты?

— Вначале сочиняли куплеты в основном для короля музыкального жанра того времени — ленинградского артиста Бена Бенцианова. И вскоре раскрутились так, что процентов на восемьдесят музыкального репертуара страны был наш с Дабужским. Куплеты, музыкальные мозаики, музыкальные фельетоны.

— Для Шурова и Рыкунина тоже вы писали?

— Писали и для них в том числе. Причем по их просьбе. Мы получали тогда хорошие авторские через ВААП. До сих пор с тех времен мне приходится какие-то деньги. А не пишу я для эстрады уже десять лет. Кто-то наш репертуар, значит, исполняет до сих пор.

— Изменилась ли роль политической сатиры в современном обществе?

— Конечно. Во-первых, потому что у нас система стала многопартийной. Кого критико-